

ПАМЯТЬ

ГЕРОЯМ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

26 января состоялась торжественная церемония возложения цветов к Обелиску павшим героям–герценовцам.

На церемонии звучали стихи, созданные студентами, преподавателями и друзьями Герценовского университета, вошедшие в стихотворный сборник «Герценовский метроном. Война. Блокада. Победа». Сборник стал данью памяти героям–герценовцам, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны и не пережившим страшные годы блокады Ленинграда.

Стихи читали артисты Студенческого драматического театра РГПУ им. А.И. Герцена (руководитель — Михаил Разумовский) Маргарита Абрамова, Тарас Кунтыш, Мария Волохова, Алена Литвинова; выпускница Герценовского университета, член–корреспондент Академии военно–исторических наук, член Арктической академии наук, руководитель рабочей группы по молодежной политике Союза казаков–воинов России и Зарубежья по Северо–Западному федеральному округу Анастасия Дворкина, а также свое стихотворение прочел руководитель Клуба интеллектуального творчества Студенческого дворца культуры, автор

идеи, редактор–составитель и иллюстратор сборника «Герценовский метроном» Сергей Адамский.

Жизнь Герценовского университета в годы войны и блокады — подлинная патриотическая летопись вуза; это история гражданских, научных, военных и трудовых подвигов студентов, преподавателей и сотрудников университета. В знак признательности героям студенты, преподаватели и администрация РГПУ им. А.И. Герцена возложили цветы к подножию Обелиска.

Церемония состоялась накануне Дня полного снятия блокады Ленинграда, который отмечается 27 января.

Светлана Мухоморова

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ЖИЗНИ...

Отечественная война 1941–1945 годов — одна из самых трагических страниц в истории нашей страны. Но всегда в ней особо была и будет выделена блокада Ленинграда. Память о событиях тех дней бережно сохраняется в музее Герценовского университета. Накануне Великой Отечественной войны ЛГПИ им. А.И. Герцена был ведущим педагогическим институтом страны. Здесь обучалось более 6500 студентов и 161 аспирант. На 30 кафедрах трудилось более 400 профессоров и преподавателей. Из стен института выходили люди самой мирной профессии. Слово «война» никак не ассоциировалось с учительской деятельностью...

Тем не менее, уже в первый день войны студенческий клуб ЛГПИ стал призывным пунктом. Триста студентов помогали Райвоенкомату оповестить военнообязанных. А уже вечером 22 июня многие студенты и сотрудники были в расположении военных частей. Оставшиеся срочно создавали отряды МПВО, радиосвязи и противопожарной обороны. Большая работа развернулась по превращению подвальных помещений института в бомбоубежища.

27 июня 1941 года было принято Постановление Ленгорисполкома «О привлечении граждан к трудовой повинности в Ленинграде, Пушкине, Колпине, Петергофе и Кронштадте». Сотни тысяч человек отправлялись на оборонительные работы. Среди них 800 студентов, преподавателей и сотрудников, которые под бомбежками и пулеметным обстрелом с самолетов выработали 54000 рабочих дней. В июле в институте разместились штаб по формированию 1–й Гвардейской дивизии народного ополчения Куйбышевского (Центрального) района. Более 1000 студентов и преподавателей записались в ее ряды добровольцами.

Не прекратилась и научная работа: развернула деятельность спецлаборатория по изготовлению зажигательных смесей для борьбы с танками противника; при кафедре ботаники начала работать бригада по сбору и первичной обработке мха–сфагнума для перевязочных целей.

Фронтная жизнь в стенах ЛГПИ им. А.И. Герцена стала особенно осязаемой, когда в сентябре 1941 года в основных корпусах начал разворачивать свою деятельность военный госпиталь № 1014, который работал на территории института всю войну. Правое крыло (6 корпус), где размещались литературный и исторический факультеты, 4–е общежитие и столовая (студентам теперь пришлось обедать в городе) спешно ремонтировались и обставлялись бытовым оборудованием.

Многие герценовцы пошли работать в госпиталь медсестрами, санитарями, а остальные взяли шефство над ранеными. Образовалась целая система студенческих бригад. Студенты и сотрудники института принимали участие в создании и обработке огородов, разбитых как на территории города, в том числе и в садах института, так и на окраинах, в Озерках. Урожай использовали для нужд госпиталя и института.

Большую работу среди студентов и бойцов госпиталя развернул клуб ЛГПИ им. А.И. Герцена. Актив клуба оказал большую помощь в развертывании политико–воспитательной и культурно–массовой работы среди раненых. Ежедневно, даже в самые лютые морозы, под бомбежками и обстрелом, студенты приносили в госпиталь газеты, листовки информбюро и плакаты. В клубе формировался своего рода «штаб связи», в котором сосредоточилась переписка с питомцами института — фронтниками и эвакуированными. Профессора и преподаватели выступали с лекциями и беседами.

В клубе ЛГПИ им. А.И. Герцена проводились киносеансы, вечера художе-

ственной самодеятельности, шахматно–шашечные турниры, фотовыставки. После объявления Ленинграда на осадном положении въезд и выезд из города были закрыты. Для герценовцев, особенно иногородних, как и для всех горожан, это было страшным ударом: надежды выехать из города рухнули. Студенты из других городов остались в городе практически без средств к существованию, денег практически ни у кого не было, многие отправили домой теплые вещи, оставшись в летних платьях и легкой обуви. Никто не знал, сколько продлится осадное положение и как придется жить в ближайшие месяцы. И ребята понимали: теперь их жизнь и спасение — только в труде, в дружбе, взаимопомощи и выручке.

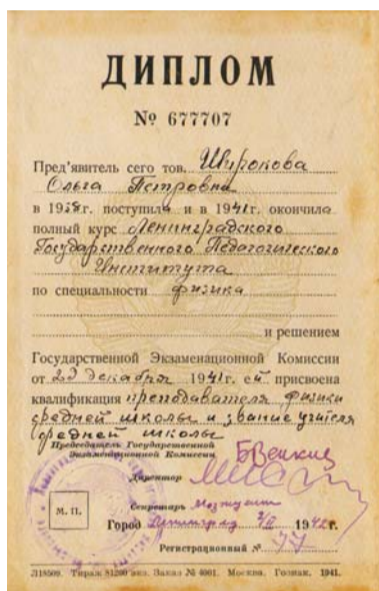
ВОПРОК НЕВЗГОДАМ

Почти все студенты, жившие в общежитиях, попытались устроиться на работу

Вот как вспоминает дни блокады бывшая студентка естественного факультета, выпускница 1941 года, позже учительница химии Нина Дятлова в своей «Поэме о блокаде»:

*«У нас в институте безлюдно,
По всем корпусам тишина;
Бумага висит: «Трудпобинность,
Ждет помощи наша страна!»
Мы едем в вечерних вагонах
Окопы под Лугой копать...
...Десятками верст протянулся
Противотанковый ров.
Желтеет изрытая глина,
Нарушен зеленый покров.
Копаем вторую неделю,
Отправки окопники ждут.
На Западе смутно, тревожно,
Бои непрерывно идут.
Вверху самолеты кружили,
На крыльях чернели кресты.
А мы, затаясь, не дышали,
Упав, где погуще кусты.»*

на предприятия города, что было не только помощью стране, но и серьезным материальным подспорьем для них. Очень скоро, с 20 ноября, хлебный паек достиг минимального размера в 250 граммов по рабочей и 125 граммов по иждивенческой и детской карточкам. В студенческой столовой по талону можно было получить не более чем ложку чечевичной каши, сдобренной хлопковым маслом, и дрожжевой суп. Немногом легче жилось студентам–ленинградцам, не успевшим эвакуироваться, которых поддерживали семьи. Некоторыми был найден выход (пока еще оставались силы): студенты становились донорами, сдавали кровь в институте Пастера. После каждого сеанса для них устраивался необычный по блокадным нормам обед: мясной суп, пшенная каша, кусок сливочного масла и крохля хлеба. Но таких добровольцев не хватало надолго — люди слабели с каждым днем, в институте был организован стационарный пункт для больных, ослабевших от голода людей, который обслуживали 189 человек. Этот пункт оказал огромную помощь членам коллектива

института — наступили исключительные трудности с продовольствием, у многих студентов, преподавателей, сотрудников началась дистрофия.

Кольцо блокады все сжималось. Был разрушен частично 10 и полностью 15 и 16 корпуса. Иссякло топливо, не стало электричества, вышли из строя водопровод и канализация. Но даже в таких тяжелых условиях, несмотря на голод, холод, необходимость работы, основной задачей студентов оставалась учеба.

Деканы факультетов собирали оставшихся выпускников и говорили, что их главная задача — несмотря на трудности, успешно завершить учебу и получить дипломы преподавателей средней школы. В стране в связи с военным положением возникла острая нехватка учителей: «Надо крепко помнить, что нашей великой Родине крайне нужны квалифицированные кадры народных учителей и, как бы ни было тяжело в данный момент, надо и готовить эти кадры, и готовиться стать вполне квалифицированными работниками огромнейшего фронта народного образования», — указывалось в приказе по институту от 11 декабря 1941 года.

В ноябре — декабре 1941 года прошли досрочные выпуски студентов, которые должны были учиться по укороченной программе, и 320 человек стали учителями уже «блокадного», ноябрьского, выпуска.

Так вспоминает блокадный выпуск естественного факультета Н. Дятлова: «В боковом отсеке бомбоубежища — торжественное собрание, посвященное выпуску. На скамейках — небольшая группа выпускников, — все, кто остался от 120, зачисленных на 1 курс. Полуживые от голода, измученные бомбежками, в рваных пальто и платках, студенты сегодня имеют право гордиться: они выполнили свой гражданский долг». Вместо дипломов выпускникам выдавалась справка с припиской: «Диплом об окончании института будет выслан по месту работы». На своем посту, в блокадном городе, умерли профессор С.А. Андрианов, Н.П. Андреев, А.Е. Кудрявцев, З.З. Вулиц, А.П. Болтунов,

*«Студенты в городе одни —
Без денег, помощи, семьи.
Бомбежки были, голод, смерть,
И мысль одна — не умереть!
Превозмогая все, учились,
В лабораториях трудились,
Писали лекции, зачеты
И семинарские работы.
В холодном каменном подвале
Мы госэкзамены сдавали
И по военному закону
Трудом крепили оборону.»*

На полтинформации для раненых в госпитале №1014, располагавшемся в годы войны на территории института.

ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В МУЗЕЙ РГПУ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА:

О.П. Широкова с подругой в первый день войны, 22 июня 1941 года.

Диплом О.П. Широковой (Кармановой) об окончании института 29 декабря 1941 года.

Ольга Петровна поступила в институт в 1938 году. Курс «Строение атомного ядра» на факультете преподавал И.В. Курчатова. Он же руководил лабораторией, где подрабатывала О.П. Широкова.

Из её воспоминаний: «У меня был большой кожаный портфель из натуральной кожи, с которым я ходила на занятия. Так вот его я разрезала на маленькие кусочки, варила в алюминиевой кружке и пила отвар. В итоге я его весь съела...

А еще мне помогло выжить фанатичное желание получить высшее образование. Я не боялась смерти, но если уж мне суждено умереть, то я умру с дипломом».

С сильным истощением, уже весной 1942 года, она была эвакуирована на Урал, в родной город Полевск. С августа 1942 года стала работать учителем физики в школе. Воспитала троих детей. Умерла очень рано, на 55 году жизни.

Студенты 3 курса физико–математического факультета. Июнь 1941 год. Они стали выпускниками декабрьского, блокадного выпуска учителей.

доценты В.Н. Комаров, Б.М. Боровский, Л.С. Троицкий...

Не было перерыва и в работе институтской библиотеки. В любое время читателям выдавались книги. Ослабевшие от голода сотрудники обеспечивали студентов, раненых бойцов госпиталя и поллитруков литературой. Порой, чтобы найти нужную книгу, приходилось обращаться в другие книгохранилища. Вспоминает библиотечкарь–блочкиница Л.С. Дмитриева: «До тревоги, после тревоги — все время находилось в библиотеке: прячем книги, отсылаем в более безопасные места вместе с Публичной библиотекой, чтобы как–либо сохранить золотой наш фонд; переносим из других филиалов книги, чтобы освободить комнаты для раненых».

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА И ШКОЛ

Конечно же, почти сразу после начала войны руководство института начало

решать вопрос с эвакуацией преподавателей и студентов. Но, в первую очередь позаботились о детях сотрудников. В течение июля в Ярославскую область было отправлено около 100 детей под руководством преподавателя Г.И. Щукиной. Возраст детей — самый разный: от ясельного до подростков. Дети, не успевшие эвакуироваться, посещали детские сады и ясли, располагавшиеся в учебных корпусах № 7, 12, 14.

Обстановка в городе становилась все более напряженной, и институт приступил к организации эвакуации. В декабре эвакуирована была первая группа наиболее старшей группы профессуры, а затем состоялось еще две эвакуации: в г. Кисловодск, затем в г. Кыштым.

Особенностью 1943–1944 учебного года стало возрождение учебных занятий в самом Ленинграде. 15 октября 1943 года более тысячи студентов приступили к учебе. Открыто было